

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВЕ И ФЛЕКСИИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье мы вкратце остановимся на некоторых вопросах, связанных с основой (темой) и флексией (окончанием), которые в трудах по морфемике, морфонологии, морфологии и словообразованию финно-угорских языков получили весьма различную интерпретацию. Речь пойдет преимущественно об основах и флексиях изменяемых слов марийского языка.

В любом изменяемом слове, как известно, лексическое и грамматическое значения взаимосвязаны. Однако это не исключает членения слова на два соотносительных и взаимообусловленных компонента — основу и окончание.

Основа и флексия, различающиеся своими значениями, функциями и структурой, выделяются только в грамматически изменяемых словах. Таковы, например, в марийском языке существительные (за исключением некоторых случаев, которые будут рассмотрены ниже), глаголы, личные и некоторые вопросительно-относительные, неопределенные, отрицательные и определительные местоимения. В словах, не обладающих парадигматическими рядами склонения или спряжения, флексии не вычленяются; в структурном отношении такие слова представляют собой чистую основу. В марийском языке флексией не обладают наречия, безлично-предикативные слова, все служебные части речи, звукоподражательные слова и междометия (мы не упускаем из виду sporadических случаев склонения некоторых из них). Промежуточную группу между изменяемыми и неизменяемыми словами в марийском языке составляют прилагательные, числительные, большинство неличных местоимений и все причастия. В одной синтаксической позиции они изменяются по падежам и имеют окончания, в другой — не изменяются и окончаний не имеют (см. об этом ниже).

Для обозначения одного и того же морфологического элемента различные финно-угроведы пользовались разными терминами. Д. В. Бубрих (1949 : 23, 27 и др.) неизменно употреблял термин «словоизменятельный синтаксический суффикс», В. И. Лыткин (Современный коми язык 1955 : 79, 112 и др.) — «словоизменятельный суффикс». Вслед за ними в советском финно-угроведении постфиксальные служебные морфемы — независимо от значения и функции — стали называть суффиксами и термин «окончание» в отдельных морфологических работах почти перестал употребляться, см., например, Современный марийский язык 1961; Терешкин 1961; Лыткин 1961 и др. В финно-угроведении, в частности в мордвинистике, встречаются и другие термины, неопределенно раскрывающие природу и сущность рассматриваемого

лингвистического явления: падежная морфема, падежный суффикс, падежный формант, падежный форматив, морфема падежа (Цыганкин 1977 : 16—17 и др.), флективная морфема, флективный суффикс, флективный словоизменятельный суффикс (Цыганкин 1978 : 291—297). Подобное неточное употребление терминов недопустимо, ибо за данными терминами должно стоять вполне определенное понимание значимых частей. В некоторых работах термин «падежное окончание» перемещается с термином «падежный суффикс» (Основы 1976 : 42, 384—385; Кельмаков 1977 : 42—43; Насибуллин 1978 : 96, 103). З. В. Учаев в целом не отказывается от термина «окончание» («мут мучаш»), но ограничивает сферу его применения одним лексико-грамматическим разрядом слов — глаголом (Учаев 1976 : 36).

Объективным критерием отнесения или неотнесения аффиксов к числу флексий является, на наш взгляд, тождественность функций, выполняемых рассматриваемыми аффиксами. Что касается позиции, занимаемой падежными аффиксами, то следует заметить, что в большинстве случаев это абсолютный конец слова: *паша-н* 'работы', *паша-лан* 'работе', *паша-м* 'работу' и т. д. Правда, в данную схему не укладываются некоторые падежные формы местоимений, а также существительных, оформленных притяжательными суффиксами, например: *мы-лан-ем* 'мне', *ты-лан-ет* 'тебе', *мы-лан-на* 'нам', *ты-лан-да* 'вам', *шка-лан-ем* 'мне самому', *шка-лан-ет* 'тебе самому', *шка-лан-же* 'ему самому'; *корны-шты-да* 'на вашей дороге', *корны-шкы-да* 'на вашу дорогу', *ола-шты-на* 'в нашем городе', *ола-шкы-на* 'в наш город' и др. Окончания *-лан-*, *-шты-*, *-шкы-* и *-(е)ш-* в формах таких слов оказываются уже не конечными морфемами (впрочем, и глагольные окончания в ряде случаев располагаются не в конце слова: *толлатат* 'идешь уже', *тунематыс* 'учишься ведь', *мом муретше* 'что поешь-то' и мн. др.). Однако это не должно мешать называть их окончаниями, поскольку, во-первых, мы знаем их значения, которые выражаются в языке именно окончаниями, во-вторых, есть такие формы слов, в которых те же окончания являются действительно конечными морфемами, ср. *корны-што* 'на дороге', *корны-шко* 'на дорогу', *ола-ште* 'в городе', *ола-шке* 'в город'. Стало быть, позиция, в которой располагаются анализируемые аффиксы, не столь существенна.

Итак, в грамматически изменяемых частях речи совершенно обязательным компонентом слова является окончание, или флексия; оно манифестирует грамматическую форму слова и представляет собой его изменяемую значимую часть, которая служит для связи данного слова с другим в структуре словосочетания и предложения.

В марийском языке флексии бывают двух типов: 1) материально выраженные, представленные одной или рядом фонем и 2) нулевые, т. е. не имеющие материального, звукового выражения. В основе нашего понятия нулевой флексии лежит концепция языка (в том числе и марийского) как системы. На наш взгляд, проблема нулевого окончания (и в целом морфемы) в современном марийском языке может правильно решаться с синхронной точки зрения, без привлечения фактов истории языка. Нулевые окончания осознаются на фоне других материально выраженных окончаний данного слова, находящихся в одном словоизменятельном (парадигматическом) ряду; например: *калыкф* 'народ', *калык-ын* 'народа', *калык-лан* 'народу' и др.; *возышф* 'он написал', *возыш-ым* 'я написал', *возыш-т* 'они написали' и др.; *муренф* 'он спел', *мурен-ат* 'ты спел', *мурен-да* 'вы спели' и др.; *пöртф* (*ышташ*) 'дом (строить)', *пöрт-ым* (*ыштыш*) '(он построил) дом', *пöрт-ым* (*ышташ*) '(строить) дом' и др.; *пыштеф* 'положи', *пышты-за* 'положите', *пышты-же* 'пусть положит'. В словоформе *калыкф* нулевое окончание

выражает именительный падеж существительного; в *возышф, муренф*¹ выделяется нулевая флексия, которая содержит указание на 3-е лицо этих глагольных форм прошедшего времени, единственное число; в *пёртф (ышташ)* — нулевая флексия указывает на винительный падеж; в *пыштеф* — нулевое окончание указывает на 2-е лицо глагола, единственное число, повелительное наклонение (подробнее о нулевом окончании см. Лаврентьев 1975 : 51—54).

Как видно из примеров, за нулевую флексию мы принимаем как постоянное, закрепленное «отсутствие» окончания, так и его факультативное «отсутствие» (ср. *шудоф ~ шуды-м (солаш)* 'сено (косить)').

Рассматривая проблему нулевого окончания, нельзя обойти вопрос о морфемной структуре некоторых однородных членов предложения. На наш взгляд, нет нулевых флексий, например, у существительных *уржа* 'рожь (вин. п.)', *ава* 'матери' и *правлений* 'правления' в предложениях *Пакча саскам шындена, уржа ден шыданымат їдена* (Иванов 13) 'Сажает овощи, сеет также рожь и пшеницу', *Шошо велеш гына ава ден эргылан тургыжланаш логале* (Иванов 315) 'Только к весне матери и сыну пришлось беспокоиться' и *Колхоз правлений ден партийный комитетын вуйлатымышт почеш озанлыкна палынак ончыко ошкылым ыштен* 'Под руководством правления колхоза и партийного комитета наше хозяйство заметно продвинулось вперед', так как материально выраженные окончания винительного, дательного и родительного падежей *-ым, -лан* и *-ын*, которые употреблены в формах *шыданымат* 'и пшеницу', *эргылан* 'сыну' и *комитетын* 'комитета', одновременно обслуживают и находящиеся перед ними однородные члены предложения *уржа, ава* и *правлений*. В этом, впрочем, заключается специфика марийского языка. Аналогичные примеры с однородными членами предложения можно было бы привести и на другие объектные и пространственные падежи. Такое понимание морфемной структуры этих слов в известной степени находит подтверждение в интерпретации почти идентичных по структуре предложений типа *Ўдыржѳ тїсшѳ, койыш-шоктышыж денат йѳршеш ачаж гай* (Иванов 19) 'Его дочь по своей внешности, а также по поведению очень напоминает ее отца' и *Ачана, изана, йолташна-влак кажне метр шочмо мланде верч, кажне ола, ял верч вїрыштым чаманыде кредалыт* (Иванов 51) 'Наши отцы, наши старшие братья, наши товарищи борются за каждый метр родной земли, за каждый город, каждую деревню, не жалея своей крови', в которых послелог *денат* 'и по', суффикс множественного числа *-влак* и послелог *верч* 'за' обслуживают одновременно два или несколько сочиненных между собой слов. Как явствует из изложенного, такая интерпретация основывается на системном подходе к анализу структуры слова и предложения. Аргументом в пользу отрицания нулевых флексий в рассматриваемых случаях является также тот факт, что грамматический строй марийского языка не допускает сочетаний слов **уржа їдена, *ава тургыжланаш логале* и **правлений вуйлатымыже*.

Выделение или невыделение нулевого окончания (а также материально выраженного) в прилагательных, числительных, причастиях и большинстве неличных местоимений марийского языка зависит от их употребления в предложении, так как некоторые морфологические признаки этих лексико-грамматических разрядов слов обуславливаются их синтаксической позицией.

В атрибутивно употребленных прилагательных (*кугу капкалан* 'большим воротам'), числительных (*вич їдырын* 'пяти девушек'), неличных местоимениях (*тыгай верыште* 'в таком месте') и причастиях

¹ В одной из статей (Лаврентьев 1972 : 260) мы не совсем правильно включали звуковой комплекс *-ын-, -ен-* в состав флексии.

(*ыштыдыме пашам* 'невыполненную работу'), а также существительных (*пу капка* 'деревянные ворота') нулевое окончание вообще не выступает, так как они в позиции определения не изменяются по падежам; в этих случаях их следует считать бесфлексийными, т. е. словами, структурно равными основам.

Имена существительные не склоняются и, следовательно, не имеют окончания также в конструкциях с послелогоми, например: *курук шенгеч* 'из-за горы', ср. *курук шенгеке* 'за гору', *курук шенгелан* 'за горой'. Исключение, по-видимому, составляют существительные в сочетании с послелогом *көра* 'из-за, ради', употребляющимся с формой дательного падежа существительного или местоимения (*погынымашлан көра* 'из-за собрания', *мыланем көра* 'из-за меня'), и с послелогоми *верч* 'из-за, ради, за', *нерген* 'о', употребляющимися с формой родительного падежа личных и указательных местоимений (*тыйын верч* 'ради тебя', *мыйын нерген* 'обо мне', *тидын нерген* 'об этом', но *оза верч* 'из-за хозяина', *погынымаш* ~ *Совет нерген* 'о собрании, о Совете').

В субстантивно, заместительно, предикативно и обособленно употребленных прилагательных, числительных, неличных местоимениях и причастиях, а также в существительных в синтаксической позиции обособления нулевое (а также материально выраженное) окончание вычленяется, так как в отмеченных позициях они изменяются по падежам (*Йбратем мый кызытсе илышым, ожно тыгайф омешат кончен огыл, ача-авана-влакат тыгай-ым ужым огытыл* 'Люблю я теперешнюю жизнь, прежде такая даже не снилась, и наши отцы и матери не видели такой'; *Тыге у Ташкент шочын — ончычсо дечат моторф, йонгыдоф* (Казаков 17) 'Так возник новый Ташкент — лучше прежнего, просторный'), или употребляется в функции, тождественной функции имени тельного падежа существительных (*Шочмо мланде чылалан шергеф*² 'Родина всем дорога', ср. *Литература — посна егын огыл, а пұтын калыкын пашажеф* (Казаков 24) 'Литература — дело не отдельной личности, а всего народа').

В связи с рассмотрением нулевых окончаний возникает вопрос об омонимичных флексиях, т. е. двух или более разных окончаниях, совпадающих в плане выражения и передающих при этом различные грамматические значения. Например, омонимичны все рассмотренные выше нулевые окончания. Две разные флексии *-ым* могут быть соотнесены со следующими значениями плана содержания: со значением винительного падежа существительного (*кид-ым* 'руку') и значениями 1 л. ед. ч. первого прошедшего времени глагола (*возыш-ым* 'я написал'); две разные флексии *-ыч* четко выражают значения 2 л. ед. ч. первого прошедшего времени (*луд-ыч* 'ты читал') и 3 л. мн. ч. этого же времени (*луд-ыч* 'они читали'); окончание *-ам* в форме *лудам* '(про)читаю' выражает грамматические значения 1 л. ед. ч. настоящего будущего времени, а окончание *-ам* в форме *лудынам* 'я читал' — значения 1 л. ед. ч. второго прошедшего времени глагола.

Аффикс неопределенной формы глагола *-аш* по своему значению, функции, структуре и месту употребления тождествен окончанию. Кроме того, в некоторых глаголах он является синкретичным (смешанным) аффиксом, т. е. служит одновременно и средством словообразования, и средством формообразования. Например, в *пужараш* 'строгать',

² Признаемся, в этом последнем случае нулевое окончание обладает шатким морфемным статусом, но предложить более надежное лингвистическое построение мы пока не можем. Флексийный нуль наиболее обнаженно выступает, конечно, в случаях субстантивного, заместительного и обособленного употребления рассматриваемых частей речи.

тушташ 'загадать' и *шопаиш* 'киснуть', *кочаиш* 'горкнуть' он не только служит средством образования глаголов от существительных *пужар* 'наструг, рубанок', *тушто* 'загадка' и прилагательных *шопо* 'кислый', *кочо* 'горький', но и указывает на инфинитивную форму глагола.

Одни и те же окончания в разных или одних и тех же словах могут иметь различный вид. В этом плане следует различать флексию-алломорфу и флексию-вариант. Флексии-алломорфы находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции, а варианты не подчинены этому условию. Так, флексии *-м* и *-ым*, *-н* и *-ын*, *-шке* и *-ышке* и т. д. являются алломорфами, так как они могут употребляться только с разными основами, характеризующимися неодинаковыми конечными звуками (дополнительная дистрибуция), например: *умша-м* 'рот (вин. п.)' — *нер-ым* 'нос (вин. п.)', *умша-н* 'рта' — *нер-ын* 'носа', *умша-шке* 'в рот' — *-нер-ышке* 'в нос'. Флексии же *-ыш*, *-ышке* являются вариантами, так как они могут употребляться с одной и той же основой и могут заменять друг друга в одних и тех же позициях, например: *пырдыжыш* — *пырдыжышке* 'в стену', *корныш* — *корнышко* 'на дорогу' и др. Данные варианты флексии при общности значения обладают, по всей видимости, оттенками стилистического плана; *корныш* — на наш взгляд, словоформа преимущественно с оттенком просторечия.

Флексии-варианты и флексии-алломорфы являются вариациями формы, внешней стороны флексии. По значению различие между ними отсутствует, эти два вида флексий представляют собой как бы синонимические окончания, формально не совпадающие, но имеющие одинаковое грамматическое значение. Однако между этими двумя типами флексий, с одной стороны, и синонимическими флексиями, с другой, очевидно, полного совпадения нет, ср. синонимические флексии *-ам* и *-ем* в словоформах *лудам* 'читаю' и *возем* 'пишу'; *-ыште* и *-не*, *-ыш(ке)* и *-ке*, *-еш* и *-ан* в *Шоръялыште* 'в Шоръяле (название деревни)' и *Нурјумбалне* 'в Нурумбале', *Шоръялыш(ке)* 'в Шоръял' и *Нурјумбаке* 'в Нурумбал', *Шоръялеш* 'в Шоръяле' и *Нурјумбалан* 'в Нурумбале'; *-м* и *-ам (-ем)* в *кочнем* 'хочу есть' и *кочкам* 'ем', *пыштынем* 'хочу положить' и *пыштем* 'положу'; варианты и алломорфные флексии *-ш*, *-шко* и *-ын*, *-н* в *пасуш*, *пасушко* 'в поле', *йолташын* 'товарища', *пасун* 'поля (род. п.)'.

Флексии-алломорфы (например, *-шке* и *-ышке*) и флексии-варианты (*-ыш* и *-ышке*), входящие в одну и ту же морфему, составляют флексеми (*-шке*, *-ыш*, *-ышке*), которая выражает одно грамматическое значение.

По вопросу об основе слова в финно-угроведении также нет единой точки зрения. Под основой обычно понимается часть словоформы без окончания и формообразовательного суффикса, выражающая его лексическое (реальное, вещественное) значение (Ахманова 1966 : 296). Мы не разделяем этой расширительной трактовки. На наш взгляд, все же следует различать основы двух типов: основу словоизменения и основу формообразования.

Словоизменятельная основа определяется путем отсечения окончания, она может включать формообразовательные или словообразовательные суффиксы, но наличие их отнюдь не обязательно. В одной словоформе выделяется, как правило, лишь одна словоизменятельная основа, например: *йолташ-лан* 'товарищу', *муралтыне-м* 'хочу спеть', *кјанрак-ышке* 'в более каменистое'. Однако в марийском языке засвидетельствован один случай, когда можно выделить две такие основы — это формы слов типа *йолташынан* 'тому, что принадлежит товарищу', *йолташыным* 'то, что принадлежит товарищу', *йолташынге*

'вместе с тем, что принадлежит товарищу', *йолташышла* 'как то, что принадлежит товарищу', *йолташынышке* 'в то, что принадлежит товарищу', *йолташыныште* 'в том, что принадлежит товарищу', *йолташынеш* 'в том, что принадлежит товарищу'. Две основы словоизменения выделяются, как явствует из эквивалентного русского перевода, в том случае, когда форма родительного падежа существительных употребляется заместительно (т. е. замещает определяемое ею существительное). Таким образом, в словоформе *йолташын-лан* и др. прежде всего вычленяется основа словоизменения *йолташын-* 'товарища (род. п.)', в которой в свою очередь выделяется словоизменительная основа *йолташ-* 'товарищ'.

Основа же формообразования получается отсечением формообразовательного суффикса вместе с окончанием или только этого суффикса. Разумеется, в одной словоформе могут быть две (или более) формообразовательные основы. Например, в словоформе *пушенгывлакемлан* 'моим деревьям' выделяется основа формообразования *пушенгывлак-*, от которой была образована притяжательная форма существительного, одновременно являющаяся основой словоизменения *пушенгывлакем-*, и основа формообразования *пушенгы-*, от которой была образована другая формообразовательная основа — форма множественного числа *пушенгывлак-*. Рассмотренная выше классификация исходит из различий между синтаксическими и несинтаксическими грамматическими аффиксами.

Эти же основы — словоизменительная и формообразовательная — с точки зрения семантической мотивированности и словообразовательной структуры могут быть непроеизводными, или немотивированными, и производными, или мотивированными.

В словах с непроеизводной основой значение их ничем не мотивировано, так как она состоит только из корневой морфемы (поэтому и не приходится говорить о словообразовательной структуре этой основы) (Морозова 1977 : 10). Непроеизводные основы (корни) в зависимости от особенностей их употребления бывают свободными и связанными (см. об этом Лаврентьев 1975 : 55—56).

Семантика слов с производной основой имеет определенную обусловленность. Значение этих слов мотивируется словообразовательной структурой, т. е. словами с непроеизводной основой, на базе которых они образовались с помощью присоединения определенных деривационных суффиксов. Слово с производной основой в марийском языке, насколько нам известно, сложнее слова с непроеизводной основой не только структурно, но и семантически. Например, в слове *колызо* 'рыбак' *кол-* относится к предмету, названному непроеизводной основой, а *-ызо* — к лицу, имеющему отношение к названному в непроеизводной основе предмету.

По мотивационным отношениям, характерным для словообразовательного процесса, основы (словá) могут быть производящими, или мотивирующими, и производными, или мотивированными. Под производящими основами (словами) понимаются любые непроеизводные или производные (словá), которые являются непосредственной базой для образования других, более сложных по структуре и по значению основ (слов), под производными же — основы (словá), образующиеся от производящих основ (слов).

Стало быть, классификацию основ в марийском языке (да и в других финно-угорских языках) можно проводить, на наш взгляд, по трем параметрам.

Очевидно, что термин «производная (мотивированная) основа» в равной мере употребляется при классификации основ по двум аспек-

там. Поэтому вместо бинарных терминов «производящая основа» и «производная основа» вслед за Н. А. Янко-Триницкой (Янко-Триницкая 1968 : 533) в финно-угроведении можно употреблять термины «базовая основа» и «выводимая основа».

В марийском языке основа словоизменения существительных может быть прерывистой, причем части такой основы разделяются, как выше отмечено, флексией, например: *пöрт-ышт-ем* 'в моем доме', *пöрт-ышк-ем* 'в мой дом', *пöрт-еш-ем* 'в моем доме', *пöрт-лан-ем* 'моему дому' (последняя употребляется факультативно, ср. *пöрт-ем-лан* 'моему дому'), *пöрт-ышт-ет* 'в твоём доме', *пöрт-ышты-жö* 'в его доме' и др. В данных формах слов пофлексийные притяжательные суффиксы принадлежат к основе словоизменения, хотя и оторваны флексией от остальной части основы. Стало быть, в приведенных словоформах словоизменительные основы — *пöрт...ем*, *пöрт...ет*, *пöрт... (ы)жö (е)*.

Прерывистой может быть также и основа формообразования, например: *толи-ем-ла* 'в то время, когда я шел сюда', *толи-ет-ла* 'в то время, когда ты шел сюда' и др. — деепричастные формы оторваны притяжательными суффиксами. Прерывистые формообразовательные основы наблюдаются также в наречных словах, характеризующихся факультативным порядком расположения своих значимых компонентов, например: *писыракын* 'быстрее', *сайракын* 'лучше' и др., ср. *писын* 'быстро', *сайын* 'хорошо'.

В заключение необходимо отметить, что морфематическая, морфологическая и деривационная сущность основы и окончания марийского слова остается еще во многих отношениях неисследованной.

Сокращения

Иванов — В. Иванов, Тўтан, Йошкар-Ола 1965; Казаков — М. Казаков, Шонымо ой, Йошкар-Ола 1973.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. 1966, Словарь лингвистических терминов, Москва.
 Бубрих Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
 Кельмаков В. К. 1977, Краткая характеристика кырымасских говоров южно-удмуртского наречия. — Вопросы удмуртской диалектологии, Ижевск, 26—62.
 Лаврентьев Г. И. 1972, Генетические вопросы второго прошедшего времени в марийском языке. — СФУ VIII, 257—264.
 — 1975, Членение марийского слова на морфемы. — Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола, 50—64.
 Лыткин В. И. 1961, Коми-язвинский диалект, Москва.
 Морозова М. Н. 1977, Современный русский язык. Словообразование, Москва.
 Насибуллин Р. Ш. 1978, Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. — О диалектах и говорах южноудмуртского наречия, Ижевск 86—152.
 Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, 1976, Москва.
 Современный коми язык I. Фонетика. Лексика. Морфология, 1955, Сыктывкар.
 Современный марийский язык. Морфология, 1961, Йошкар-Ола.
 Терешкин Н. И. 1961, Очерки диалектов хантыйского языка. Часть I. Ваховский диалект, Москва—Ленинград.
 Учаев З. В. 1976, Кызытсе марий йылме. Ончылмут. Мут ышталтмаш, Йошкар-Ола.
 Цыганкин Д. В. 1977, Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование), Тарту (автореф. докт. дисс.).
 — 1978, Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование), Саранск (докт. дисс.).
 Янко-Триницкая Н. А. 1963, Членимость основы русского языка. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка XXVII, вып. 6, Москва, 532—540.

ABOUT WORD STEMS AND INFLEXIONS IN MARI

The discussion of the question of the stem and the inflexion in the Mari language leads to the following conclusions:

Neither the monosemantic or the polysemantic character of inflexions nor their free or fixed position in the structure of a word can be decisive criteria in determining their morphemic status. The main role here is played by the functional aspect.

The zero inflexion in the Mari language is a real linguistic (morphological) unit which has an equal status with inflexions possessing a certain phonemic shape; all forms of declinable or conjugated parts of speech are forms with inflexions, including zero inflexions.

All the inflexions having the same meaning and differing partly in their phonemic composition, which occur in different word-forms, constitute a flexeme. It is possible to distinguish inflexion-allomorphs and inflexion-variants.

There are homonymous and synonymous inflexions which represent different types of relationship between form and meaning. When classifying stems we may take into consideration: 1) differences between syntactic and non-syntactic grammatical affixes; 2) semantic motivation and the derivational structure of stems (words); 3) direct motivation relationships.

Word-changing and form-building stems in the Mari language may be not only monolithic but also discontinuous. The morphemic, morphonological and derivational nature of the stem and the inflexion of the Mari word has not yet been properly investigated.